

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет
имени В.М. Шукшина»
(АГГПУ им. В.М. Шукшина)

**Адъективация причастий:
когнитивные механизмы и результаты**

Выпускная квалификационная работа

Допустить к защите

И.о. зав. кафедрой
русского языка и литературы
_____ Ю.Г. Бабичева
«___» _____ 20__ г.

**Выполнила студентка Р – РЯЛ 111
группы**

Казанина Наталья Ивановна

Подпись _____

Научный руководитель:

д-р филол.н., профессор кафедры
русского языка и литературы

Шкуропацкая Марина Геннадьевна

Подпись _____
(подпись)

Оценка _____

«___» _____ 20__ г.

Подпись _____

(Председатель ГАК)

Оглавление

Введение.....	4
1. Теоретические проблемы адъективации причастий.....	7
1.1 Грамматическая характеристика причастий и их место.....	7
среди других форм глагола	
1.1.2 Лексические факторы, обуславливающие адъективацию причастий.....	11
1.1.3 Грамматические факторы адъективации страдательных причастий прошедшего времени.....	13
1.2.1. Когнитивные процессы, как основа семантического расширения...	18
1.2.2 Стратегии семантической деривации.....	27
2. Описание когнитивных механизмов процесса адъективации страдательных причастий прошедшего времени.....	33
2.1. Описание когнитивного механизма процесса адъективации причастий глагола <i>бросить</i>	35
2.2 Описание когнитивного механизма процесса адъективации причастий глагола <i>тянуть</i>	41
2.3 Описание когнитивного механизма процесса адъективации причастий глагола <i>разбить</i>	51
Заключение	55
Список литературы	59

ВВЕДЕНИЕ

Причастия – одна из наиболее сложных и противоречивых грамматических категорий. Место причастий в грамматической системе русского языка между глаголом и прилагательным определяет возможность их адъективации.

Вопрос об адъективации причастий сохраняет свою актуальность в современной лингвистике, поскольку связан с темами, отражающими процесс развития языка. Проблема перехода причастий в разряд имён прилагательных, неоднократно привлекавшая внимание русских и советских учёных, получила отражение в работах В.Е. Ломтевой [Ломтева, 1954], И.А. Краснова [Краснов, 1955]; Л.И. Удаловой [Удалова, 1957], М.Ф. Лукина [Лукин, 1986] и др. В перечисленных работах процесс адъективации причастий рассматривался главным образом в структурно-семантическом аспекте, были получены важные наблюдения, касающиеся грамматической и лексической характеристик данного процесса.

Сложность и многоуровневость этого процесса, усиление его интенсивности в последнее время, а также возможность рассмотрения данного языкового явления с различных точек зрения позволяют считать данную тему недостаточно изученной и, следовательно, актуальной для современной лингвистики. В нашем исследовании механизм адъективации причастных форм глагола будет рассмотрен с когнитивной точки зрения с привлечением понятийного аппарата современной когнитивной лингвистики.

Объектом исследования является адъективация страдательных причастий прошедшего времени совершенного вида в системе современного русского литературного языка. Предметом - когнитивный механизм процесса адъективации данных причастий.

Цель дипломной работы состоит в описании когнитивного механизма процесса адъективации страдательных причастий прошедшего времени совершенного и несовершенного вида.

Для достижения цели исследования поставлены следующие задачи:

1) Рассмотреть процесс адъективации страдательных причастий прошедшего времени совершенного вида в структурно-семантическом аспекте.

2) Описать когнитивного аппарата исследования в его конкретном варианте «семантического расширения слова».

3) Описать когнитивных механизмов процесса адъективации страдательных причастий прошедшего времени совершенного вида (на материале конкретных глаголов).

В качестве материала в работе были использованы глаголы, обладающие значительным семантическим потенциалом. Данные о значениях глаголов, причастных форм и адъективов были взяты из словарей: Т.Ф. Ефремовой «Новый толково-словообразовательного словарь»; А.П.Окуновой «Русский глагол: Словарь-справочник»

В ходе решения поставленных задач в исследовании были использованы следующие методы: метод направленной выборки, метод когнитивного анализа, описательный метод.

Научная значимость данной работы связана с его актуальностью и состоит в выявлении когнитивных механизмов процесса адъективации причастных форм глаголов физической сферы.

Практическая значимость данной работы заключается в разработке методики когнитивного анализа применительно к явлению адъективации причастных форм на основе неэспериенциальных глаголов.

Работа состоит из двух глав. В первой главе представлен обзор основных результатов исследования адъективации, полученных в рамках структурно-семантического направления, а также представлен понятийный аппарат когнитивного направления в изучении семантического расширения слова, который мы применяем при описании механизма адъективации причастных форм. Во второй главе содержится описание самого

когнитивного механизма процесса адъективации причастий, образованных от глаголов *бросить* и *тянуть* и их префиксальных дериватов.

ГЛАВА 1.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АДЪЕКТИВАЦИИ ПРИЧАСТИЙ

1.1 Грамматическая характеристика причастий и их место среди других форм глагола

Прежде чем приступить к рассмотрению процесса адъективации причастий, дадим общую грамматическую характеристику причастий и определим их место в ряду других форм глагола. Решению этих задач посвящен данный параграф первой главы выпускной квалификационной работы.

Мы исходим из положения о том, что «... время причастий специфично и существенно отличается от времени спрягаемых форм глагола: 1) оно никаким образом не соотносится с глагольным наклонением, 2) не может образовывать предикативной синтагмы, 3) может носить только соотносительный характер с другим, основным по отношению к нему, временем, 4) имеет специфическое значение: причастия настоящего времени означают одновременность по отношению к основному для них действию, причастия прошедшего времени означают предшествование по отношению к основному действию» [Калакуцкая, 1971, с 25]. Иными словами, причастия выражают относительное время и находятся с «основным временем» спрягаемой формы глагола в таксисных отношениях.

Залоговые отношения в причастиях также отличаются от залоговых отношений в предикативных формах русского глагола. В причастиях - атрибутивных формах глагола – имеется два залога: действительный и страдательный. Грамматические отношения между действительным залогом (активом) и страдательным залогом (пассивом) представлены в виде двучленной оппозиции. В качестве сильного, маркированного члена залоговой оппозиции выступает пассив. Направленность глагольного действия на субъект является общим сематическим признаком,

характеризующим пассив. Действительный залог является слабым, немаркированным членом залоговой оппозиции и не имеет своего «положительного» значения. В отличие от предикативных форм глагола залог в причастиях имеет свое морфологическое выражение, а именно, имеются специальные аффиксы для действительного и страдательного залогов причастий: с помощью аффиксов *-щий, -вший, -ший* образуются причастия действительного залога, а с помощью аффиксов *-мый, -нный, -тый* – причастия страдательного залога.

Залоговыми отношениями охвачены все без исключения причастия с той лишь разницей, что от переходных глаголов могут быть образованы и действительные и страдательные причастия, а от непереходных – только действительные.

Таким образом, мы приходим к выводу, что причастия в отличие от предикативных форм глагола, обладают морфологически выраженными и четко противопоставленными залоговыми формами действительного и страдательного залогов, которые охватывают все без исключения причастия.

«Наличие в действительных причастиях возвратной частицы *-ся*, на наш взгляд, может являться добавочным доказательством того, что действительные причастия отражают предикативные формы глагола и поэтому они сохраняют среди всех прочих глагольных форм и его возвратную частицу *-ся*» [Пешковский, 1935, с 110-112]

Возможно именно этим обстоятельством, и, несомненно, рядом других, можно объяснить более интенсивный процесс адъективации страдательных причастий по отношению к действительным.

Также «причастия имеют общую с глаголами основу. Кроме того, они сохраняют параллелизм двух основ глагола» [Аванесов, Сидоров, 1945, с. 214].

Причастия включаются в систему глагольных образований от основ настоящего и прошедшего времени. Этим причастия отличаются от отглагольных существительных и прилагательных, хотя и образованных от

глагольной основы, но не сохраняющих свойственного лишь группе глагола в широком смысле этих слов противопоставления основ настоящего и прошедшего времени. Связь с системой основ глагола идет в причастиях еще глубже, поскольку причастия настоящего времени сохраняют свойственное глагольной основе настоящего времени противопоставление спряжений.

Вместе с глагольной основой причастия получают и одну из основных категорий русского глагола – вид. «Вид в причастиях – атрибутивных формах глагола – полностью сохраняет специфику грамматического значения, свойственную предикативным формам глагола» [Прокопович, 1947, с. 129]. Точно так же, как и в глаголе, в причастиях, в зависимости от вида, образуются соответствующие формы времени: от основы глаголов несовершенного вида образуются причастия настоящего и прошедшего времени (*читать – читающий, читаемый, читавший, читанный*), а от основы совершенного вида – причастия только прошедшего времени (*прочитать – прочитанный, прочитавший*).

Сохраняется у причастий и другое свойство глагольной основы – ее переходность и непереходность. В зависимости от глагольной основы, от которой образуется причастие, они могут быть переходными или непереходными. Качество переходности / непереходности у причастий полностью сохраняются.

Переходность / непереходность глагольной основы пронизывает всю систему образования морфологических типов причастий: от основы переходных глаголов образуются и действительные, и страдательные причастия, а от основы непереходных глаголов – только действительные.

С переходностью / непереходностью связано еще одно глагольное свойство – способность к глагольному управлению, проявляющееся по-разному у страдательных и действительных причастий. Оставаясь в рамках глагольного управления, управление страдательных причастий оказывается понятием более узким, нежели глагольное управление. Так, страдательные причастия не могут управлять существительными в винительном падеже без

предлога со значение прямого объекта. Это место занимает в страдательных причастиях способность управлять существительными в творительном падеже со значение производителя действия. «Управлять с существительными в творительном падеже со значение производителя действия могут и глаголы, а следовательно – и действительные причастия. Однако довольно редко употребляют управление существительным в творительном падеже со значением производителя действия в глаголе и в действительных причастиях. Значительно чаще встречается в страдательных причастиях, а особенно настоящего времени. Эта разница в способности к глагольному управлению действительных и страдательных причастий является одной из причин более интенсивной адъективации страдательных причастий» [Калакуцкая, 1971, с 40]

Помимо глагольной основы, причастия обладают глагольным аффиксом *-ся*. Это дает нам право считать, что причастия копируют возвратность / невозвратность предикативных форм глагола. А само употребление аффикса *-ся* в причастиях ярко иллюстрирует их отглагольность, которая препятствует адъективации этих причастий.

Выводы: 1. Последовательное сохранение грамматических свойств глагольной основы, наряду с сохранением ее лексического значения, позволяет считать причастия формой глагола, а не отдельной частью речи.

2. От основ глаголов несовершенного вида образуются причастия настоящего и прошедшего времени, от основ глаголов совершенного вида – причастия прошедшего времени.

3. От переходных глаголов образуются как действительные, так и страдательные причастия, а от непереходных глаголов – только действительные.

4. В причастиях, в отличие от спрягаемых форм глагола, выражается только относительное время.

1.1.2 Лексические факторы, обуславливающие адъективацию причастий

Одной из главных причин адъективации причастий является значение глагольной основы. Глаголы, которые имеют процессность в качестве основного грамматического значения, могут обозначать не только конкретные действия, но и состояния, свойства и признаки.

Когда глагольная основа имеет значение конкретного действия (в широком смысле), причастие, в основном, не адъективируется. «В глаголы «конкретного действия» включаются и «глаголы движения»» [Янко-Триницкая, 1952, с. 101]. Адъективации причастий, обозначающих «конкретное действие» препятствует не только само «действенное» значение их основы, но и то обстоятельство, что именно из-за этого конкретного, «действенного» значения основы они обычно обрастают зависимыми словами, делающими невозможной их адъективацию.

Принято считать, что адъективированное причастие развивает в себе атрибутивные лексические значения, и, следовательно, отрывается от лексических значений соответствующего глагола. «Семантические преобразования производят окончательный отрыв той или иной причастной формы от системы глагола» [Краснов, 1955, с. 228] Но наряду с этим, существует ряд значений глаголов, в которых не происходит отрыва от семантики глагола в процессе адъективации (*любить – любящая жена, любящая душа*).

Кроме того, вместе с «прямыми» значениями глагольной основы, причастия могут получать и переносные значения того или иного глагола. Наличие у причастия переносного значения глагольной основы, как правило, способствует адъективации причастий. «Как показал анализ, адъективация большей частью осуществляется в таких словосочетаниях, где определяемые слова обозначают отвлеченные понятия, а не конкретные предметы» [Удалова, 1957, с. 107]. Как отмечает Л.П. Калакуцкая, «это высказывание,

очевидно, верно в том отношении, что при употреблении причастий с определяемыми существительными, обозначающими отвлеченные понятия, чаще, но не обязательно, проявляются переносные значения глагольных основ соответствующих причастий, иными словами, причина адъективации причастий лежит в них самих, а не вне их» [Калакуцкая, 1971, с 47]

Нужно подчеркнуть, что не лексические значения качественности, которые развиваются в причастиях, отрывают причастие от соответствующего глагола и, следовательно, способствуют его переходу в прилагательное. «Эти переносные значения принадлежат самому глаголу, от которого и образовано то или иное причастие. Таким образом, вовсе не происходит отрыва причастия от соответствующего глагола, а переносные значения, приносимые в причастие глагольной основой, способствует адъективации причастий» [Краснов, 1955, с 231].

Следовательно, лексическое значение глагольной основы причастий имеет прямое отношение к адъективации причастий. Лексические значения глагола, которые связаны с качеством, свойством или наличием какого-либо признака, в сочетании с функцией определения, полученной от причастия, в предложении легко приобретают атрибутивные свойства, причем лексическое значение глагольной основы может главенствовать над ярко представленными видовыми значениями и над возвратностью действительных причастий.

Однако все это не значит, что в адъективированных причастиях не может развиваться качественных значений, отличающихся от лексических значений мотивирующего глагола.

Таким образом, серьезным препятствием для адъективации причастий становится конкретный характер действия глагольной основы. «В пределах одной лексемы меньше адъективируются причастия с конкретно-действенным характером основы и больше адъективируются причастия, имеющие менее конкретно-действенный характер» [Калакуцкая, 1971, с. 53].

Выводы:

1. Лексическим фактором, обуславливающим адъективацию всех причастных форм, является конкретный характер действия, выраженного глагольной основой. Адъективации в большей степени подвергаются глаголы с неконкретно-действенным характером основы.

2. Наиболее подвержены адъективации причастия, которые имеют переносное лексическое значение соответствующей глагольной основы, где, как правило, развиваются качественные значения.

1.1.3 Грамматические факторы адъективации страдательных причастий прошедшего времени

По мнению ученых, среди страдательных причастий в большей степени адъективации подвергаются причастия прошедшего времени. «Страдательные причастия, как прошедшего, так и настоящего времени не имеют поддержки в спрягаемы формах глагола из-за отсутствия в последних страдательного залога. Но страдательные причастия настоящего времени, употребительность которых стилистически ограничена больше любого морфологического типа причастий, достаточно часто встречаются в контексте, исключающем возможность их адъективации (в сопровождении существительного, обозначающего производителя действия); страдательные причастия прошедшего времени, напротив, очень редко употребляются с реальным производителем действия – этими и некоторыми другими обстоятельствами можно объяснить массовую адъективацию данного типа причастий» [Калакуцкая, 1971, с. 166].

Следует разобраться, какими другими факторами определяется адъективация данных причастий. Страдательные причастия прошедшего времени несовершенного вида типа *вареный, шитый, печеный и др.* образуются только от бесприставочных глаголов несовершенного вида: данные формы не образуются от приставочных глаголов несовершенного вида, а также от бесприставочных глаголов несовершенного вида, которые

соотносятся с бесприставочными же глаголами совершенного вида. «Другими словами, страдательные причастия прошедшего времени несовершенного вида образуются лишь от первичных глаголов несовершенного вида». [Виноградов В.В., 1947, с 280]. Таким образом, «у страдательных причастий прошедшего времени несовершенного вида отсутствует вторая ступень деривации, а несовершенный вид представлен в них наименее квалифицированными, с точки зрения видовой соотнесенности, формами» [Калакуцкая, 1971, с. 167]. Поэтому С. И. Карцевский, В.В. Лопатин и некоторые другие лингвисты не считают страдательные причастия прошедшего времени несовершенного вида входящими в парадигму причастий [Карцевский, 2004, с 227].

Поскольку образования типа *вареный*, *краденый* оказываются вне парадигмы причастия, они тем самым естественно включаются в парадигму прилагательного.

Таким образом, при исключении из системы причастий страдательных причастий несовершенного вида, можно говорить лишь об адъективации страдательных причастий прошедшего времени совершенного вида.

Во временном плане страдательным причастиям прошедшего времени совершенного вида, как и образующим их глаголам совершенного вида, характерно значение результата действия: «страдательное причастие прошедшего времени, выражающее результат действия – результат, как качественную характеристику действия, - свойственно лишь глаголам совершенного вида» [Карцевский, 1962, с 224].

Значение результата действия, свойственное страдательным причастиям прошедшего времени совершенного вида, существенно отличается от значения результата действия, свойственное действительным причастиям прошедшего времени совершенного вида. Разница между их результативностью заключается в том, что результат действия страдательных причастий прошедшего времени совершенного вида как бы находится еще в

большем отрыве от всего предшествующего действия, чем результат действия действительных причастий.

Большая результативность страдательных причастий прошедшего времени объясняется вероятнее всего отсутствием страдательного залога у спрягаемых форм глагола. Кроме того, такую большую результативность значения страдательных причастий прошедшего времени совершенного вида можно аргументировать и отсутствием в парадигме страдательных причастий образований, соответствующих страдательным причастиям несовершенного вида. А это, в свою очередь, способствует большей склонности к адъективации последних. Страдательные причастия прошедшего времени от глаголов совершенного вида способны выражать адъективное значение «подвергшийся какому-либо действию и содержащий результат этого действия» [Лопатин, 1966, с 45].

Также особое значение приобретает, каким образом в страдательных причастиях прошедшего времени выражен совершенный вид. В большинстве случаев совершенный вид в страдательных причастиях прошедшего времени представлен образованиями от приставочных глаголов [Карцевский, 1962, с. 222].

В страдательных причастиях совершенного вида нужно выделять образования с грамматикализованными префиксами (*заслуженный артист*): данные приставки не вносят в глагольные основы причастий никаких дополнительных характеристик действия, кроме результативности, которая не препятствует адъективации причастий.

По степени способности к адъективации к группе страдательных причастий прошедшего времени совершенного вида с грамматикализованными префиксами близки страдательные причастия совершенного вида бесприставочные (*обманутая жертва*).

Показателем адъективности страдательных причастий прошедшего времени совершенного вида с неграмматикализованными префиксами, а также страдательных причастий совершенного вида бесприставочных может

служить их употребление в виде наречий на – *o*, – *e*, а также в сравнительной и даже в превосходной степенях.

Несколько иная картина наблюдается в страдательных причастиях совершенного вида, имеющих в глагольной основе неграмматикализованные приставки. Специфические лексические значения, вносимые в глагольную основу неграмматикализованными приставками, в особенности в соединении с конкретно-действенным значением глагольной основы причастия, мешают адъективации этих причастий даже при одиночном их употреблении: «Причастие одиночное не переходит в прилагательное в том случае, если оно образовано от глагола со значением конкретного специального действия: *выкрашенный, сшитый, и т.п.* Все они чаще всего образуются от приставочных глаголов, а так как приставки являются носителями видовых значений в глаголе, то естественно, что значение действия в таких прилагательных выражено очень отчетливо, что и препятствует их адъективации, например: *написанная работа нуждается еще в проверке, распиленные дрова лежали во дворе*» [Бедняков, 1947, с. 20].

Особенно конкретизируют действие префиксы, которые вносят в глагольную основу значение перемещения, смены положения в пространстве.

«Глагольная приставка *при*– сохраняет основное значение предлога – значение пространственной близости...» [Грамматика русского языка, т. 1, с. 595]. К тому же, часто причастия с такими значениями приставки *при*– идут вместе с зависимыми от приставки словами, которые уточняют пространственное положение действия, выраженного приставкой. Вместе с лексическим значением приставки *при*- это создает серьезные препятствия для адъективации таких причастий.

«Приставка *при*- может придавать глаголам значение прикосновения, слияния» [Грамматика русского языка, т. 1, с. 595], которые также мешают адъективации причастий, например, *прикрытая, прикреплены*.

«Мешают адъективации страдательных причастий и значения, вносимые в глагольную основу приставкой *про*-, имеющей значение

«полноты действия» [Грамматика русского языка, т. 1, с. 600]. Например, *протоптанная, прокопченный*.

Сходное значение «завершения, прекращения действия» [Грамматика русского языка, т. 1, с. 593], имеет приставка *от-*: *отработанная, обглоданная*.

Все эти значения приставок *про-*, *от-*, *об-* препятствуют адъективации причастий, внося в них специфические глагольные характеристики действия. Мешают адъективации причастий и лексические значения приставки *раз-* (*рас-*), означающей «разъединение, противопоставляемое соединению, скреплению, интенсивность действия» [Грамматика русского языка, т. 1, с. 601].

Таким образом, неграмматикализованные приставки в составе глагольной основы страдательных причастий прошедшего времени, как правило, препятствуют адъективации этих причастий. Однако значение «чрезмерности действия» [Грамматика русского языка, т. 1, с. 595] непродуктивной приставки *пре-*, наоборот, может способствовать адъективации причастий, которые с ней употребляются.

Необходимо выделить еще одну группу страдательных причастий прошедшего времени – это причастия, образованные от основ двувидовых глаголов, таких, как: *рафинировать, даровать, изолировать* и т.д. «Причастия этой группы сравнительно легко приобретают адъективные значения» [Лопатин, 1966, с. 45]

Если говорить о страдательных причастиях прошедшего времени, имеющих переносные значения глагольной основы, то следует отметить, что они очень легко приобретают адъективные значения.

Подводя итог всему вышесказанному, мы пришли к следующим выводам:

1. Страдательные причастия прошедшего времени подвергаются массовой адъективации.

2. Их адъективации способствует отсутствие реального производителя действия.

3. Страдательные причастия прошедшего времени несовершенного вида имеют большую склонность к адъективации, чем такие же причастия совершенного вида.

4. Среди страдательных причастий прошедшего времени совершенного вида адъективации в большей степени подвержены причастия с грамматикализованными приставками.

5. Причастия, образованные от основ двувидовых глаголов, сравнительно легко приобретают адъективные значения.

6. Переносное значение глагольной основы способствует адъективации причастий.

7. Из причин, которые препятствуют адъективации всех морфологических типов причастий и страдательных причастий прошедшего времени, в частности, мы выделили следующие:

- конкретно-действенный характер глагольной основы;
- практически не адъективируются причастия, которые образованы от «вторичных несовершенных» глаголов;
- адъективации также препятствуют конкретные лексические значения приставок у причастий, образованных от префиксальных глаголов совершенного вида.

8. Адъективация невозможна лишь в немногочисленной группе страдательных причастий прошедшего времени с конкретно-действенным значением глагольных основ, которые осложняются добавочными лексическими значениями, вносимыми неграмматикализованными приставками.

1.2.1. Когнитивные процессы, как основа семантического расширения

Конечным результатом адъективации является образование у слова или его формы вторичного, «адъективного» значения. Наличие нового лексического значения выступает показателем семантической деривации.

Понятие *семантической деривации* возникло относительно недавно, но интерес к проблеме механизмов образования новых значений существует уже в течение достаточно длительного времени. Семантическая деривация состоит в изменении содержательной части уже существующих слов.

Термин *семантическая деривация* содержится в книге Ю.Д.Апресяна «Лексическая семантика (синонимические средства языка)» в качестве синонима для термина «многозначность», однако практически не используется. Ссылаясь на В.В. Виноградова, Ю.Д. Аapresян приводит в этом же значении термин «семантическое словообразование». Термин *семантическая деривация* является, по нашему мнению, наиболее удачным, в частности потому, что он может быть применен не только к процессу, но и к результату, то есть к конкретным фактам семантических переходов, каждый из которых может быть назван семантической деривацией. Вообще, под *семантической деривацией* принято понимать образование производных значений от исходных без изменения формы знака. В основе её – семантические сдвиги, возникновение переносных значений, основанных на соотнесенности одного предмета или явления с другим через какой-либо общий признак. Итак, *семантическую деривацию* можно определить как вид вторичной номинации, состоящий в использовании фонетического облика (материальной оболочки) уже существующего слова в качестве имени для нового обозначаемого (нового фрагмента действительности).

К явлению семантической деривации относится широкий круг семантических преобразований: разные виды переносов (метафорических, метонимических, функциональных), изменение семантического объема слов (расширение, сужение), семантические кальки.

Механизм образования производных значений слова имеет когнитивную природу. Человечество не изобретает новых знаков, а

использует уже существующие, приспособляя их к выполнению других функций. Человек понимает все новое, неосознанное через известное, осознанное, моделирует новые объекты и ситуации через имеющиеся семантические модели, подводя к ним новые элементы опыта. Это приводит к появлению номинативных единиц, соотносимых с другими фрагментами действительности. Происходит семантическое изменение исходной единицы, так называемое «языковое расширение» (термин Г.И. Кустовой).

Ключевым понятием для понимания механизма семантического преобразования значения слова является понятие семантического потенциала исходного слова и понятие «когнитивной модели» значения слова. «Семантический потенциал – это те возможности, которые предоставляет говорящим исходное значение и связанная с ним ситуация для осмысления, концептуализации других ситуаций, и, с другой стороны, сам круг ситуаций разных типов и разной природы, на которые данное слово можно «распространить», которые им можно «охватить» [Кустова, 2004, с 30]. Понятие семантического потенциала слова включает два аспекта: что можно извлечь из исходного значения и связанной с ним ситуации и на что можно «распространить» знак, какие новые ситуации вовлекаются в его семантическое поле. В принципе любые слова могут подвергаться семантическому расширению, поскольку у любого слова может проявиться производное значение.

Семантический потенциал реализуется в семантической парадигме слова и зависит от сферы внеязыковой реальности, которую он описывает. Это объясняет выбор нами группы глаголов физической сферы воздействий человека на мир. Семантически богатые глаголы данной сферы описывают разнообразные физические ситуации с множеством признаков, которые можно использовать для концептуализации других (новых) ситуаций.

Когнитивная модель представляет собой некоторый стереотипный образ, при помощи которого организуется опыт, такая модель определяет нашу концептуальную организацию опыта, наше к нему отношение, а также

то, что мы хотим выразить [Чейф, 1983]. Когнитивная ситуация представляет собой основу описания семантической структуры языковой единицы и центральное теоретическое понятие, на основе которого в диссертации проводится анализ семантики языковой модели адъективированного причастия.

Данный подход восходит к идеям Рональда Лангакера и Дж. Лакоффа, которые утверждали, что значение языковой единицы определяется некоторой надязыковой надстройкой, представляющей собой некоторый общий для всего языкового коллектива образ объекта, который лежит в основе поведения языковой единицы, в том числе и производного языкового значения, частным случаем которого является адъективированное причастие. Данная ментальная единица в работах названных авторов получила название идеализированной когнитивной модели [Лангакер, 1987; Лакофф, 2004].

Ещё одним важнейшим теоретическим источником семантического описания, представленным в нашем исследовании, является активно используемая лингвистами теория прототипов, базирующаяся на экспериментальных исследованиях американского психолога Элеоноры Рош. В рамках теории прототипов было выявлено, что членство в категории определяется не обладанием всем набором признаков прототипа, а некоторым сходством с прототипическим представителем данной категории. Значение имени категории включает в себя перечень признаков прототипа, при этом все остальные члены категории могут не обладать исчерпывающим набором признаков прототипа и находиться на определенном расстоянии от ее центра, формируя периферию категории.

Синтез двух обозначенных подходов реализуется в работах Г.И. Кустовой, которая вводит в лингвистическое описание термин «прототипическая ситуация».

Прототипическая ситуация понимается как когнитивная модель ситуации, с которой связано базовое значение языковой единицы. Использование данного термина позволяет Г.И. Кустовой непротиворечиво и

последовательно описать значение предикатной лексики (глаголов и прилагательных) и выявить единые механизмы многозначности. В разных частях своего исследования Г.И. Кустова обращает внимание на разные аспекты прототипической ситуации. Она пишет, что «базовый глагол в исходном значении можно рассматривать как некоторую семантическую схему, семантическую модель изменения состояния объекта (в результате действий человека или под влиянием других факторов), в которую может «подставляться», вообще говоря, любой объект» [Кустова, 2004, с. 26].

Описывая механизмы многозначности, автор вновь возвращается к определению прототипической ситуации, обращая внимание на значимость двух разнонаправленных семантических процессов: «С одной стороны круг актантов расширяется, и глагол «вбирает» все большее количество новых объектов – и в этом смысле исходное значение и прототипическая ситуация действительно выступают как источник некой «абстрактной схемы», под которую «подводятся» разные объекты; но с другой стороны происходит «приспособление» глагола к новым типам объектов, семантическое согласование с их признаками, что приводит к более или менее заметному сдвигу (модификации) значения и формированию новых производных значений» [Кустова, 2004, с. 26].

При описании концептуального аппарата изучения глагольных значений Кустова вновь обращается к понятию прототипической ситуации, рассматривая его в качестве одного из факторов семантического развития, выделяемого наряду с такими факторами как внеязыковая действительность, категориальные свойства актантов, семантические модели исходных значений и стратегии семантической деривации.

Рассматривая когнитивную модель языковой ситуации в качестве фактора языкового расширения, автор отмечает, что источником глагольного значения является ситуация, обращение к которой становится неизбежным при решении логико-семантических, лексикографических, а в нашем случае и деривационных задач.

Однако, в глаголе содержится не вся информация об обозначаемой ситуации, так как одна и та же ситуация может быть обозначена разными глаголами, каждый из которых дает определенный способ ее осмысления, каждый раз выбирая из ситуации только часть ее информации.

Таким образом, глагол является семантической моделью ситуации и подобно всякой модели что-то актуализирует, высвечивает, подчеркивает, а что-то отодвигает на задний план, а не редко приводит к искажению ситуации.

Для полисемии чрезвычайно важно, как именно в глаголе концептуализируется ситуация. Данная концептуализация представляет собой основное исходное значение, ассертивную его часть. Это во многом определяет состав и характер производных значений. Глагол, совпадая только с частью информации о ситуации, вместе с тем, обеспечивает доступ к гораздо более богатой и содержательной информационной структуре, которая представляет собой имплицативную часть значения. Являясь средством доступа к данному виду информации, глагол помогает извлечь ее при формировании производного значения.

Данная семантическая структура, включающая в себя как ассертивный, так и имплицативный компоненты значения, называется когнитивной моделью ситуации. Она включает в себя все то, что человек знает о данной ситуации (эта информация является результатом его познания внешнего мира) и может использоваться в других значениях слов. Вместе с тем, когнитивная модель – это не сама ситуация, а ее образ, смысловой коррелят, конструкт, который позволяет объяснить, откуда берутся производные значения слова, как эти значения связаны между собой, и который может быть использован при описании лексической деривации и системных отношений в языке в целом.

Поскольку исходное значение слова связано с прототипической ситуацией, то наибольшее значение при изучении полисемии представляет именно она. Прототипическая ситуация отражает как объекты и отношения,

познанные и концептуализированные говорящим, так и то, как он интерпретирует их в языковых значениях. Прототипическая ситуация включает в себя прежде всего компоненты, содержащие информацию о тех сторонах ситуации, которые зрительно воспринимаются и отражаются базовым значением слова. Еще раз отметим, что в прототипическую ситуацию входит информация не обо всех визуально воспринимаемых характеристиках денотативной ситуации.

Понятие ситуации обозначает некое положение дел, совокупность обстоятельств, которое может быть применено как к визуально воспринимаемым фрагментам действительности, так и к нефизическим обстоятельствам. Поэтому термин может быть применен при анализе семантических единиц, номинирующих не только чувственно воспринимаемые области, но и виртуальные области, в сферу которых зачастую входят значения интересующих нас адъективируемых причастий. Поскольку ситуация подразумевает участников и отношения между ними, данный термин в одинаковой мере может быть пригоден для описания единиц, имеющих разную грамматическую оформленность – существительных, называющих участников ситуации; прилагательных, характеризующих этих участников или саму ситуацию в целом; глаголов, номинирующих динамические аспекты ситуации и роли ее участников.

Таким образом, каждая из названных единиц с учетом ее системного статуса отражает ту или иную сторону ситуации, и сам термин может претендовать на универсальность применения (см. также работы Н.Б. Лебедевой, Л.И. Горбуновой, И.В. Падучевой и др.).

В нашем исследовании важными являются все способы означивания ситуации, так как объектом рассмотрения является адъективированное причастие, которое с одной стороны связано с мотивирующим глаголом (по происхождению) и с именем существительным (по функционированию в составе субстантивного словосочетания).

Прототипическая ситуация лежит в основе семантической структуры многозначного слова и позволяет выработать когнитивные структуры разных его значений и их отождествления в рамках многозначного слова. Каждая языковая единица предназначена для именованя определенного фрагмента действительности, когнитивных образ которого имеется в сознании и отражается в значении данной единицы. Прототипическая ситуация, как отмечают многие ученые, отражается базовым (первым прямым номинативным) значением языковой единицы. Используя представления прототипической ситуации, можно выявить когнитивную основу варьирования значения языковой единицы и обнаружить главный критерий отождествления вариантов в одну семантическую структуру. Различные денотативные ситуации включаются в одну и ту же категорию через осмысление в одних и тех же понятиях, для называния которой используется одно языковое средство, семантика которого варьируется, но не выходит за пределы тождества значения (см., например, содержание категории «контейнера» в работах Е.С. Кубряковой, Е.В. Рахилиной).

В ходе освоения действительности говорящий может сближать разные классы ситуаций на основе информации, содержащейся в прототипической ситуации. А ассоциативная связь, основанная на актуализации одного из компонентов прототипической ситуации, его метафорическом осмыслении, позволяет использовать языковую единицу (в нашем случае причастную форму глагола) в новом значении для номинации ситуаций, включающихся в другую категорию, нежели те, которые соотносятся с прототипической ситуацией. В данном случае мы имеем дело с использованием причастных форм в новом значении, или с их семантическим расширением.

Под термином *семантическое расширение*, вслед за Г.И. Кустовой, мы понимаем процесс возникновения новых значений, то есть «захват» единицей все новых областей денотаций. Данное решение дает возможность удовлетворительно объяснить связь между всеми значениями многозначного слова, которое состоит не в наличии общих семантических компонентов, а в

общности прототипической ситуации. Введение понятия прототипической ситуации определяет когнитивное основание семантической целостности полисеманта для всех его употреблений как самостоятельных единиц языка. В своем исследовании объяснительную силу данного теоретического положения мы проверяли на материале языковых единиц, относящихся к семантическим классам слов с предикатной семантикой (глаголов и прилагательных).

Суммируя сказанное, в центре семантической структуры исследуемых нами единиц лежат не какие-либо значения разной степени абстракции (например, получившие отражение в словарном толковании), а когнитивная модель ситуации – прототипическая ситуация, которая соотносится с базовым значением слов. Данная ситуация является источником информации о поведении языковой единицы и обо всех новых значениях, появляющихся на ее базе.

Термин прототипическая ситуация подчеркивает принцип организации самой ситуации. Новые значения возникают на основе актуализации некоторого набора признаков прототипической ситуации, каждое значение соответствует специфической конфигурации этих признаков.

Категориальные свойства актантов и семантические модели исходных значений, являющиеся значимыми факторами семантического развития слова, будут нами описаны применительно к конкретным типам семантических моделей анализируемых слов. Далее мы обратимся к описанию основных типов семантических процессов (стратегий) семантической деривации и деривационному поведению слов с исходных значений «физического воздействия на объект».

В качестве ключевого в своей работе мы используем термин прототипическая ситуация, который определяем, как когнитивную структуру высокой степени абстракции, включающую в себя набор семантических компонентов, типичных для ситуации, обозначенной глаголом.

1.2.2 Стратегии семантической деривации

В работах самых разных авторов и научных направлений практически в неизменном виде выделяются следующие основные типы семантических процессов и соответствующих им типов производных значений: метонимия, метафора, генерализация, специализация (Н.Д. Арутюнова, В.В. Виноградов, Д.Н. Шмелев, В.В. Кузнецова, Ю.П. Князев и др.). Огромная литература посвящена описанию основных типов переносов и их разновидностей. В работах выделяется разные виды метафор и метонимий; основные разногласия касаются оснований переноса и сфер внеязыковой реальности, частеречной принадлежности, синтаксической привязки, коммуникативных функций, текстовых позиций, с которыми связаны семантические сдвиги. При этом разные авторы выделяют различные виды метонимических переносов в более или менее тождественном виде, тогда как установление метафорических отношений между значениями является специальной и непростой задачей (см. работы Ш. Балли, посвященные анализу языковой метафорической образности; Н.Д. Арутюновой, изучающей различные функциональные типы метафор, связанные с функциями в структуре предложения; выделение субституции, сравнение и взаимодействие в работах М. Блэка; О.П. Ермакова в рамках метафоризации имени существительного различает сигнификативную и денотативную метафоры; Г.Н. Складаревская выделяет мотивированную, синкретичную и ассоциативную метафору; в концепции Дж. Лакоффа и М. Джонсона речь идет о когнитивных интерпретационных схемах, рассматриваемых в контексте культурных моделей).

В рамках нашего исследования нас интересует не классификация типов производных значений сами по себе, а деривационное поведение классов слов с разными типами исходных значений. В предлагаемой когнитивной концепции производные значения образуются на базе исходного значения: языковой знак распространяется с одного предмета на другой либо потому,

что данные предметы имеют сходные признаки, либо связаны какими-то отношениями. Таким образом, в рамках теории семантического расширения выделяются два основных типа переноса – аналогия (основанная на сходстве признаков) и связь (возникающая при наличии отношений).

Метафора представляет собой частный случай аналогии, наряду с которыми выделяются и неметафорические аналогии, не имеющие переносного характера в традиционном его понимании. Метонимия представляет собой частный случай связи, наряду с которым выделяются также диатезы.

Кроме того, существуют комбинированные случаи «переносов», так называемые специализации и генерализации, сочетающие в себе как аналогию, так и изменение объемов экстенционалов значений (сужение или расширение класса экстенционала).

Существенное отличие аналогии и связи с одной стороны и традиционно выделяемых типов переноса с другой состоит в том, что аналогия и связь представляют собой соотношение внеязыковых сущностей (денотатов прототипических ситуаций), то есть образуют внешнюю сторону семантического преобразования. Внутренней стороной семантического преобразования является соотношение самих значений, образование производного значения на базе исходного. Таким образом, переносится только знак, а значение преобразуется. При анализе производных значений слов следует учитывать оба аспекта: во-первых, какие сдвиги происходят на уровне денотатов значений и что собой представляют сами эти денотаты, во-вторых, что происходит с самим исходным значением, как при деривации используется его семантический потенциал.

Как уже отмечалось, мы исходим из того, что сам тип ситуации (набор компонентов, их роли и отношения) и когнитивная семантическая модель исходного значения предопределяет возможность его семантического развития и соответственно состав и характер производных значений. Таким образом, зная модель исходного значения (прототипическую ситуацию) и

действующие в языке механизмы семантической деривации, можно предсказать состав и основные типы значений любого слова и соответственно семантического класса слов, к которому оно относится. Вместе с тем, следует допускать, что у слова кроме значений, предусмотренных типом прототипической ситуации, могут быть и непредусмотренные значения, которые могут быть связаны с индивидуальной историей его развития.

Т.И. Кустова выделяет три типа стратегий семантической деривации, называя их аргументной, компонентной и имплицативной стратегиями.

Производные значения, которые образуются на основе аргументной стратегии, соответствуют той же самой ситуации, что и исходное значение слова, при этом акцентируют, выдвигают на первый план разные фрагменты этой ситуации: *нож режет – резать ножом; дом строится – строить дом*. При этом производное значение содержит те же самые аргументы, что и исходное, но имеет другую конфигурацию этих аргументов, другую коммуникативную перспективу, другую семантическую структуру. Чаще всего аргументная стратегия «состоит в продвижении иерархически более «низких» аргументов в более «высокую» позицию – вместе с их компонентами» [Кустова 2004, с. 55]. Крайним случаем проявления аргументной стратегии является залоговые преобразования, функция которых заключается в продвижении разных участников одной и той же ситуации в центральные позиции (производные такого типа в работах Ю.Д. Апресяна называются конверсивами, передающими разные логические акценты в ситуации равнозначности; в работах Ч. Филмора они связаны с понятием перспективы; в работах Р. Лангагера передаются термином профилирование; в работах Е.В. Падучевой связаны с понятием диатезы).

Преобразования, связанные с изменением конфигурации компонентов внутри ситуации может происходить в зоне каузации (воздействия) и в зоне результата (изменения). Например, акцентироваться может инструмент, являющийся второстепенным участником зоны каузации, продвигаясь в

позицию подлежащего. При этом происходит не просто изменение коммуникативной перспективы, но выделение фрагмента исходной ситуации в качестве особой отдельной ситуации (*нож режет, топор рубит*). Акцентироваться может участник из зоны результата (*съесть кашу из тарелки – съесть тарелку каши*). При этом аргумент места продвигается в позицию синтаксического объекта. И в том и в другом случае происходит перенос акцента не на другую смежную ситуацию, а на другие смежные компоненты той же самой ситуации.

Следующей разновидностью семантического расширения является компонентная стратегия. При этом «производные значения имеют другой набор аргументов и соответствуют другой ситуации, но при этом наследуют какие-то компоненты исходного значения» [Кустова 2004, с. 56] – *альпинист тянул канат на себя* (приближать к себе с усилием), *буксир тянул баржу* (перемещать за собой силой тяги). Во втором значении изменение происходит в зоне каузатора, меняется тип каузатора и одновременно утрачиваются агентивные компоненты исходного значения. Однако при этом сохраняется денотативное качество участников (новый каузатор принадлежит материальному миру) и тип воздействия: исходное производное значение описывает ситуацию с материальными объектами и физическим воздействием. Однако роли и таксономические классы участников ситуации различаются.

Г.И. Кустова обращает внимание на то, что данный тип семантической деривации сопоставим с метафорой, однако только наполовину: метафоризируется лишь та часть значения, которая связана с каузатором (сдвиг «альпинист – буксир»). Другая же часть значения, связанная с результатом (физическое перемещение объекта), остается неизменной. Такой тип семантического преобразования, основанное на денотативном тождестве фрагментов двух ситуаций, Г.И. Кустова предлагает называть денотативной аналогией.

Третьей разновидностью семантического расширения является имплицативная стратегия. Вслед за Г.И. Кустовой под имплицативной стратегией мы понимаем имплицативные преобразования (метонимические в широком смысле), которые основаны на связи компонентов или связи ситуаций или фрагментов одной и той же ситуации (*жать на педаль – ботинок жмет*).

Например, глагол *жать* относится к глаголам физического воздействия. Но если объектом физического воздействия является человек (*жать кому-то руку*), то возникает экспериенциальная импликация – компонент ощущения. Поскольку в значение глагола *жать* не входит компонент ощущения (это нефизическая, экспериенциальная ситуация) и смежность двух ситуаций (физической и нефизической) причинно-следственная, то глагол *жать* может метонимически смещаться в эту смежную ситуацию и обозначать ощущение (*ботинок жмет* – внешняя метонимия).

Образование метафорических значений основаны на аналогии, которая может использовать как основные идеи исходного значения исходной ситуации, так и импликации (речь идет именно об идеях, а не о компонентах). Метафорическая аналогия, так же как и денотативная аналогия, базируется на сходстве двух ситуаций. Однако если при денотативной аналогии это сходство является физическим, наблюдаемым, и, следовательно, можно использовать ту часть исходного значения, которая соответствует совпадающей части ситуации, то при метафорической аналогии сравниваемые объекты ситуации имеют разную природу, поэтому их сходство ненаблюдаемое, умозрительное, концептуальное (его можно «увидеть») только в ментальном плане, то есть осознать).

Метафорическое значение использует не саму исходную ситуацию, а лишь извлекаемую из нее концептуальную схему. Например, метафорическое значение глагола *бросать реплику / взгляд* реализует идею быстрого перемещения объекта, а глагол *бросить работу* – идею ликвидации

контакта, связанного с изменением вида деятельности. В данном случае новая метафорическая ситуация представляет собой некоторую кальку с физической ситуацией, в которой нематериальные объекты представлены как аналоги физических объектов, которые человек как бы «перемещает», «отрывает», «бросает». Вместе с тем метафорическое значение может использовать импликации исходной ситуации, например, *сорвать урок* (нарушить).

Таким образом, источником семантического материала для новых значений являются не только исходные значения, но и когнитивная модель ситуации. Исходное значение обеспечивает доступ к когнитивной информации и одновременно является средством ее реализации. Каждое исходное значение обладает семантическим потенциалом, который постепенно реализуется в производных значениях, при этом состав и типы новых значений зависят от моделей исходного значения, от категориальных характеристик новых актантов, от механизмов (стратегий) преобразования исходного значения. Таким образом, производное значение не является абсолютно непредсказуемым, так как включает в себя заранее известные компоненты исходного значения или семантические корреляты признаков и свойств прототипической ситуации (импликатуры, которые хотя и не включаются в словарь, но известны говорящему из самой ситуации).

ГЛАВА 2.

ОПИСАНИЕ КОГНИТИВНЫХ МЕХАНИЗМОВ ПРОЦЕССА АДЪЕКТИВАЦИИ СТРАДАТЕЛЬНЫХ ПРИЧАСТИЙ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

Для описания когнитивных механизмов процесса адъективации мы выбрали систему производных значений следующих глаголов со значением физического воздействия на объект: *бросать, тянуть*. Семантическая парадигма данных глаголов содержит в своем составе причастия, на базе которых образуются интересующие нас адъективы. Речь идет о словах *брошенный* в значении «находящийся в запустении, оставленный людьми, недовведенный до конца, незавершенный» – *На севере мы проплыли мимо брошенный деревень. Брошенное строительство; тянущий* в значении 1) «непрерывный, тупой, ноющий – обычно о боли» – *Тянущие боли в руках и ногах; 2) «тоскливый, выражающий душевное беспокойство» – Тянущее чувство; тянутый* в значении «изготовленный путем вытягивая, волочения» – *Тянутая проволока. Тянутые ремни. Тянутый капрон.*

Как уже отмечалось, ранее глагол в исходном значении задает определенный тип базовой ситуации, то есть тип события, которое может произойти с объектом. Это такие типы ситуаций как местонахождение, перемещение, деление на части, создание, уничтожение. В нашем случае оба глагола относятся к семантической парадигме глаголов, обозначающих перемещение объекта. Глаголов, которые бы служили общим обозначением такого типа ситуации, в русском языке не существует: ситуация перемещения объекта есть, а общего глагола со значением перемещения нет. Есть несколько конкретных глаголов, фиксирующих конкретные способы перемещения объекта (*бросить, тянуть, ставить, класть* и т.д.), а также их дериваты (*выбросить, отбросить, забросить, сбросить, поставить, положить* и т.д.).

Глаголы *бросить* и *тянуть* семантически противопоставлены по способу перемещения объекта. *Бросить* – удалить объект от себя, *тянуть* – приблизить объект.

Существуют и другие семантические противопоставления, связанные с конечным положением объекта, например, вертикальным и горизонтальным, которые реализуются в другой паре глаголов перемещения объекта – *ставить* и *класть*.

Таким образом, семантическая схема, отражающая тип ситуации, концептуализирована, представлена целой семантической группой, или парадигмой глаголов, а конкретные глаголы этой группы соответствуют различным реализациям, спецификациям или денотативным вариантам этой ситуации. Отхождение слов в различные парадигмы и внутриязыковые корреляции зависит не только от того набора характеристик ситуации, который выделяется и закрепляется данной языковой единицей, но и от состава ее производных значений.

Для системы производных значений глаголов *бросать* и *тянуть* важной является их противопоставленность по признакам «исходное состояние (контакт с субъектом – *бросить* или объектом – *тянуть*)», «изменение положения в пространстве (объект удаляется от исходной точки – субъекта – *бросить* или приближается к этой точке – *тянуть*)», «новое состояние объекта (объект удален от субъекта, контакт с которым прерывается – *бросить*; объект перемещен в некоторую точку – *тянуть*)».

На примере данной пары глаголов мы хотим проиллюстрировать важный ресурс потенциала исходного значения, а именно реализацию двух вариантов семантического акцента в основной схеме изменения (т.е. фокусирование одного из аспектов изменения: ликвидации исходного состояния и каузации конечного состояния).

В рамках дальнейшего семантического анализа нами будет рассмотрено использование в производных значениях адъективов, имплицативного и коннотативного потенциала, связанных с исходным

значением и исходной прототипической ситуацией. Далее особенности семантического расширения глаголов *бросить* и *тянуть* будут рассмотрены последовательно.

2.1. Описание когнитивного механизма процесса адъективации причастий глагола *бросить*

При характеристике прототипической ситуации и когнитивной схемы исходного значения глагола *бросить* мы опираемся на работу [Кустова 2004: 155].

Прототипическая ситуация, а также семантическая схема исходного значения глагола *бросить* включает следующие признаки:

- 1) характеристика объекта (объект относительно небольшой и нетяжелый);
- 2) положение объекта и характер его связи с субъектом в исходном состоянии (субъект имеет контакт с объектом; объект находится в руке субъекта);
- 3) цели субъекта (переместить объект в определенную точку; удалить объект от себя, ликвидировать контакт с объектом);
- 4) способ действия (резкое движение субъекта, в результате которого объект приобретает импульс для перемещения);
- 5) контроль процесса (от субъекта зависит только начало процесса, в дальнейшем процесс не контролируется субъектом);
- б) изменение состояния объекта и его импликации (объект перемещается по воздуху (летит и падает); относительно быстро, т.к. получил импульс; объект удаляется от субъекта);
- 7) конечное состояние, результат (ликвидация контакта с субъектом, удаление от субъекта, попадание в некоторую точку).

Таким образом, перемещение имеет две стороны: удаление от чего-то – это одновременное приближение к чему-то другому. С точки зрения

действительности это одно и то же, две стороны одной медали. Однако с точки зрения наблюдателя (человека) удаление и приближение могут быть совершенно не симметричны. От того, как человек рассматривает ситуацию перемещения, как удаление или как приближение, зависит, например, тип объекта: *Аня бросила мяч дальше всех* означает удалить от себя мяч; *Кто-то бросил в прохожего снежком* – цель не удалить снежок, а приблизить его к цели.

Таким образом, применительно к глаголу *бросить*, двумя вариантами исходной схемы является перемещение объекта в конечную точку, приближение и удаление объекта из исходной точки.

Как отмечалось ранее, для человека и для языка (но не для внеязыковой действительности) доставка в конечную точку и удаление от исходной точки – это два совершенно разных типа изменения. Покажем, как распределяется между двумя этими типами изменений производные значения глагола.

1) каузация нового состояния, перемещение, доставка в конечную точку: *бросить невод; шлюпку бросало; бросить реплику; бросить войска в бой; бросить взгляд; бросить крупные силы полиции; бросить в жар, в дрожь;*

2) ликвидация исходного состояния, прекращение контакта, удаление от исходной точки: *бросить старую мебель; лишний груз* («выбросить, освободиться от чего-либо, устранить как ненужное»); *бросить мокрую одежду* («положить небрежно, не на свое место»); *бросить семью, дом* («покинуть, оставить кого-либо, уйти навсегда откуда-либо»); *бросить сцену, курить* («прекратить чем-либо заниматься, перестать делать что-либо»).

Данный тип изменения находится в основе значений адъективированных причастий *брошенные деревни, брошенное строительство*.

Г.И. Кустова обращает внимание на то, что те же две принципиальные возможности реализуются и у некоторых приставочных дериватов (*выбросить, забросить, отбросить, сбросить*). В глаголе *выбросить* идея

прекращения контакта, удаления доминирует в значениях: *выбросить бумажку за окно, выбросить старую квитанцию* («бросая наружу, удалить, освободиться от чего-либо»); *выбросить на улицу тысячи шахтеров* («удалить с работы, исключить из учебного заведения»); *выбросить главу из романа* («исключить, выпустить»); *выбросить много денег на эти безвкусные вещи* («истратить, израсходовать попусту, напрасно»); *выбросить редиску в продажу*.

Идея перемещения, напротив, доминирует в значениях: *вулкан выбросил груды щебня; волна выбросила на берег обломки корабля, лодку выбросило на берег* («увлекая за собой, принести куда-либо – о течении, волнах»); *выбросить руку вперед* («выдвинуть броском, резким движением»); *выбросить колос*.

Адъектив *выброшенные деньги* (деньги истраченные, израсходованные напрасно) относится к зоне прекращения контакта, удаления.

Среди значений глагола *забросить* идея прекращения контакта, удаления доминирует в значениях: *забросить мяч на крышу* («бросить что-либо куда-либо с определенной целью или случайно закинуть»); *забросить учебу* («перестать заниматься кем-либо, чем-либо, оставить без внимания, ухода»); *далеко забросила их судьба* («заставить кого-либо очутиться, оказаться, поселиться где-либо»); *забросить голову назад, ногу на ногу* («свободным движением переместить, отвести какую-то часть тела или часть одежды, откинуть»); *командование забросило в тыл врага разведчиков* («доставить, завести в определенное место»).

Противоположная идея перемещения акцентируется только в одном значении: *забросить мяч в сетку, забросить вещи на верхнюю полку* («забросить с определенной целью»).

Производные адъективы *заброшенные дети* («оставленные без ухода, надзора»), *заброшенный парк, заброшенный дом* («пришедшие в запустение») и *заброшенный вид* («обнаруживающий отсутствие ухода,

выражающий запустение») относятся к зоне прекращения контакта, удаления.

Таким образом, все значения глагола *бросить*, а также его приставочных дериватов основаны на этих двух идеях – перемещения (физического или метафорического) и ликвидации контакта (физического или метафорического). В обоих случаях происходит удаление объекта от субъекта. Но в первом случае ради перемещения, доставки, попадания в определенную точку (субъект хочет, чтобы объект был там), а во втором – ради самого удаления, отстранения от себя (субъект хочет, чтобы объекта не было здесь); в первом случае субъект хочет переместить, во втором – субъект не хочет иметь объект.

Вместе с тем, две эти базовые идеи (перемещение и удаление) не могут в полной мере объяснить, откуда вытекает такое разнообразие значений в каждой из выделенных зон. Вопрос о том, как происходит обогащение производных значений новыми компонентами, нужно искать не в ассертивной части значения глагола (и прототипической ситуации), а в имплицативной его части. В производных значениях статус имплицативных компонентов повышается, и они приобретают значение полноценных компонентов. Другим важным источником семантического расширения являются ассоциативные смыслы, связанные с некоторой ситуацией и ее языковым обозначением, т.е. с коннотациями.

Г.И. Кустова выделяет следующие имплицатуры и коннотации, которые связаны с признаком неконтролируемости процесса перемещения в значении глагола *бросить*. Действительно, от субъекта зависит только начало движения объекта, а далее объект летит и падает. Таким образом, ни движение, ни результат от субъекта не зависят.

С компонентом неконтролируемости процесса могут быть связаны следующие имплицатуры: небрежность (*бросить фразу на ходу, сбросить мокрые вещи, сбросить пальто*); возможный ущерб объекту (*бросить вещи*

на улице, бросить кого-то на произвол судьбы); неодобрительность (*бросить семью, бросить гостей одних, выбросить сто рублей на водку*).

Компонент удаления объекта, ликвидации контакта имеет следующие импликатуры: ненужность объекта, которое следует из того, что субъект прекращает с ним контакт (*выбросить главу из романа, выбросить старые вещи, бросить заниматься, сбросить старую кожу, сбросить листья*); нежелательность контакта. Если цель субъекта – ликвидировать исходное состояние контакта с объектом, удалить его от себя, значит субъект не хочет иметь сам объект (*отбросить сомнения, выбросить из головы, сбросить уныние*); нежелательность того, что объект находится исходной позиции, если возникает необходимость подчеркнуть идею ненужности объекта, а также легкости, нетрудности избавления от него (*сбросить самодержавие*).

Импликатурами способа перемещения (резкое движение субъекта и быстрое перемещение объекта) являются, во-первых, быстрота и кратковременность (*бросить войска в бой, бросить в разведку, бросить взгляд, выбросить руку вперед*), во-вторых, неожиданность для внешнего наблюдателя (*выбросить руку вперед, выбросить дефицит в продажу*).

Таким образом, на производные значения влияют следующие факторы: исходный акцент (на ликвидации контакта или перемещении); импликатуры компонентов исходного значения; характеристика объекта, а в префиксальных глаголах – значение приставки.

Чтобы сформулировать семантические требования и ограничения, приводящие к появлению метафорических значений (к числу которых относятся и производные адъективы), необходимо обратиться к ряду объектов, допускаемых данное значение (прояснить парадигматический фон).

Рассмотрим значение, которое реализуется адъективами *брошенные деревни, брошенное строительство, а также заброшенный парк, заброшенный дом*.

Как ранее отмечалось, данные значения относятся к семантической зоне прекращения контакта, удаления. В подобной ситуации глагол означает не только удалить объект броском от себя, а и самому удалиться от объекта, уйти, покинуть то пространство, в котором он находится. В данном случае вновь можно говорить о раздвоении двух типов ситуации, которые условно можно обозначить как вынужденность и безответственность.

В первом случае субъект сознательно и намеренно расстается с объектом (*бросить дома, имущество*). Примерно это означает, если, уходя, объект не взять с собой, то он может остаться в неблагоприятных условиях и, возможно, перестать существовать. Человек, исключая объекты из сферы своего контроля (пусть и вынужденно), перестает о них заботиться, оставляя без присмотра. Оставленный людьми объект может прийти в запустение.

Значение безответственности может быть связано со следующими ситуациями: *бросить вещи на улице, бросить гостей одних, бросить семью, бросить в беде, бросить на произвол судьбы, забросить детей*. Это особый вид контакта, его каузация или прекращение может приводить к более серьезным последствиям для состояния объекта, в частности, к ущербу. Таким образом, ущербное состояние объекта возникает как результат ликвидации контакта с субъектом. При этом компонент безответственности выражает интерпретацию ситуации, оценку внешнего наблюдателя (он используется для выражения отрицательной коннотации неодобрительности и осуждения). Данное значение является ярким примером того, как при обозначении и интерпретации ситуации действует не только собственно семантический, но и культурный фон, те неявные представления, на которые ориентируется человек, выбирая значение той или иной ситуации.

Как на базе физического компонента «небрежность» возникает социальный компонент «безответственность»? Человек, прекращая контакт с объектом, уже не может повлиять на его дальнейшую судьбу. А между тем с объектом может произойти что-то плохое, в частности, с объектом могут произойти плохие события, которые человек будет не состоянии

предотвратить, поскольку объект исключен из сферы контроля. Таким образом, из значения небрежности, небрежного отношения и обращения может следовать не только то, что сама вещь не представляет для него никакой ценности, но и то, что человек недостаточно внимателен, ответственен, не делает того, что полагается, требуется культурными нормами. Тем более, это относится к случаю, когда он бросил другого человека, т.е. он не только перестал заботиться о том, кого бросил, а еще и обошелся с ним, как с ненужной вещью.

Выбросить, как и *бросить*, допускает широкий спектр типов пространств. Кроме личного пространства субъекта (*выбросить старые вещи, выбросить холодильник*) это может быть социальное пространство (*выбросить с работы*); внутренне психическое пространство личности (*выбросить из головы*); пространство семиотического объекта (*выбросить главу из романа*). Покидая это пространство, объект прекращает свое существование. Отсюда возникает значение *выбросить деньги* («истратить попусту, напрасно»), т.к. в обычном случае трата денег связана с приобретением каких-то ценностей. Выброшенные деньги – это безвозмездно утраченные деньги.

2.2 Описание когнитивного механизма процесса адъективации причастий глагола *тянуть*

Глагол *тянуть* входит в класс глаголов перемещения объекта наряду с глаголами *бросать, нести, вести, тащить, волочить* и т.п. Однако занимает в рамках этого класса особое положение.

Глагол *тянуть* обладает уникальными свойствами, позволяющими ему одновременно входить в другой класс глаголов (*жать, давить*), имеющих номинативный акцент на субъектном компоненте.

Номинативный акцент понимается в когнитивной семантике как тот «аспект ситуации, который выделяется в ней языковой единицей при концептуализации этой ситуации» [Кустова, 2004, с. 114].

Выделение номинативного акцента является важным, потому что номинативно акцентированные компоненты являются активными и в деривационном отношении и служат основой для производных значений.

Семантическая уникальность глагола *тянуть* состоит в том, что он почти единственный среди глаголов перемещения объекта акцентирует агентивную составляющую ситуации (зону субъекта). У других глаголов перемещения объекта как правило акцентируется зона объекта. Это проявляется, например, в том, что глагол может присоединять к себе модификаторы типа *с трудом, без труда*, поскольку есть усилие, которое можно охарактеризовать количественно (*Мальчи с трудом тянул тяжелые санки*).

Вместе с тем, специфика глагола *тянуть* состоит, по мнению Г.И. Кустовой, не в том, что этот глагол описывает какой-то особый тип усилий или какой-то особый способ воздействий на объект. В его значении проявляется особая концептуализация ситуации, при которой фокус смещается на усилия субъекта, в фокусе оказывается субъектный компонент.

Почему происходит смещение акцента с того, что происходит с объектом на то, что делает субъект? У такого смещения фокуса есть объективные причины, которые кроются в характере самой прототипической ситуации: глагол *тянуть* обозначает такое воздействие, которому объект сопротивляется в силу своей прикрепленности (*потяни за веревочку – дверь и откроется*); или из-за противодействия с другой стороны (*тянут-потянут репку, а вытянуть не могут*). Таким образом, усилия субъекта направлены на преодоление сопротивления объекта. В этом отношении особенно показательна ситуация перетягивания каната. Чтобы перетянуть канат и приблизить его к себе, человек должен накапливать усилия в известном смысле в самом себе: он концентрирует усилия в своих собственных мышцах

до тех пор, пока его сила не окажется больше той, которая противоположно направлена на объект, и объект не сдвинется с места. В известном смысле успешность этого действия зависит от того, насколько субъект может воздействовать на самого себя.

Основная причина смещения фокуса на субъект состоит в следующем. Поскольку с объектом заметных изменений не происходит, внимание субъекта не переключается на объект и может сосредоточиться на самом субъекте. Напряжения, усилия становятся ощутимыми, заметными для самого субъекта, вследствие чего оказываются в фокусе. Этот акцент, как уже говорилось, проявляется характерной сочетаемостью глагола *тянуть* с адвербиальными компонентами типа *с силой, изо всех сил, слегка*.

Глаголы, которые имеют акцент на объектном компоненте, такой сочетаемости не имеют.

Приведем словарное толкование глагола *тянуть* (по Толково-грамматическому словарю русских причастий И.К. Сазоновой):

1. Приближать к себе с усилием: *альпинист тянул канат на себя*.
2. Держа, силой заставляя идти: *мальши тянул собаку за поводок*.
3. Перемещать за собой силой тяги: *буксир тянул баржу*.
4. Перемещать в нужном направлении, натягивать: *девушки тянули бельевую веревку через двор*.
5. Прокладывать, проводить: *связисты тянут телефонный кабель*.
6. Извлекать что-л. откуда-л. силой тяги: *девочка тянула ведро с водой из колодца*.
7. Всасывать, вбирать какую-л. жидкость: *бурьян тянул в себя все соки земли*.
8. Пить медленно, втягивая в себя жидкость: *Илья тянул виноградный сок через соломинку*.
9. Вынимать, доставать откуда-л. что-л. (н-р, при жеребьевке): *мы тянули бумажки из шапки Олега*.

10. Вытягивать, протягивать в каком-л. направлении: *Олег тянет руку к выключателю.*

11. Увеличивать в длину, ширину вытягиванием: *Абакумыч и Шевардин... мяли карамельную массу, пробовали её, тянули.*

12. Оттягивать вниз из-за большого веса: *созревшие яблоки тянули ветки дерева вниз.*

13. Вызывать ощущение тесноты, давления: *подтяжки сильно тянут; кофта тянет в плечах.*

14. Растягивать звуки, петь: *мужик тянет унылую песню.*

15. Нести какие-л. обязанности через силу: *он один тянет работу всего отдела.*

16. С трудом обеспечивать кого-л. средствами существования: *она тянула троих ребятишек одна.*

17. Настойчиво убеждать пойти куда-л.: *Ира тянет меня в гости.*

18. Вызывать стремление, влечь, привлекать: *Валерия тянет на работу.*

19. Затягивать течение чего-л.: *Олег специально тянет это дело.*

20. Весить: *этот мешок тянет на три кило.*

21. Иметь тяговую силу: *машина не тянет.*

22. Слабо дуть, веять: *с моря тянет лёгкий ветерок.*

23. Удовлетворять каким-л. требованиям: *ваша работа не тянет на диссертацию.*

24. О болезненном ощущении: *всё тело разломило и тянет.*

Параметры прототипической ситуации. Глагол *тянуть* в его исходном значении является глаголом способа и соответствующая ему прототипическая ситуация предполагает перемещение объекта. Но при этом выделяются два подзначения:

1) *тянуть к себе (на себя) с целью приблизить к себе* – значение приближения;

2) тянуть за собой с целью переместить/доставить в некоторую точку – значение перемещения.

Итак, исходная прототипическая ситуация для глагола *тянуть* характеризуется следующими признаками:

1) важный признак для описания системы значений глагола *тянуть* является наличие некоего пространства между субъектом и объектом;

2) объект всегда находится на некотором отдалении от субъекта. При этом субъект держит рукой край объекта или другой предмет, связанный с объектом;

3) третьим признаком является наличие некоторого направленного усилия, прилагаемого субъектом с целью приблизить объект к себе;

4) при этом объект сопротивляется;

5) субъект ощущает это сопротивление и наращивает собственные усилия;

Кустова Г.И. выделяет следующие возможные последствия приложения данных усилий [Кустова,2004]:

6) объект перемещается;

7) объект (и/или субъект) перемещается медленно;

8) субъект перемещается (и/или перемещает объект) с трудом;

9) объект под действием силы увеличивается в длину (растягивается);

10) субъект и объект расположены на воображаемой линии, вдоль которой субъект перемещает объект к себе или за собой.

Номинативный акцент на зоне субъекта и другие особенности исходной ситуации, получившие отражение в прототипических признаках, имеют многочисленные проявления в системе производных значений глагола *тянуть*, обзор которых представлен в дальнейшем анализе.

Глагол *тянуть* является единственным в группе глаголов перемещения объекта, который приложим к ситуации, когда объект не перемещается. Именно поэтому многие глаголы перемещения объекта имеют префиксальные производные совершенного вида, обозначающие доставку в

конечную точку (*притащить, принести*). *Притянуть* такого значения не имеет. *Притянуть* соответствует следующему варианту ситуации – приблизить к себе (*Альпинист тянул канат на себя, Девочка тянула ведро с водой из колодца*).

В основе этого компонента исходной ситуации образуются следующие переносные значения – *Бурьян тянул в себя все соки земли* (появление значения связано с изменением семантической зоны субъекта (лицо – растение) и зоны объекта (конкретный предмет – жидкость)); *Илья тянул виноградный сок через соломинку; Мы тянули бумажки из шапки Олега* (изменение исходной ситуации связано с появлением локативного компонента *откуда? – из шапки*, при этом утрачивается компонент «прилагать силу тяги»).

Именно потому, что акцент переносится на субъект даже в ситуации «тянуть за собой», а перемещение объекта является необязательным следствием (*Девушки тянули бельевую веревку через двор, Связисты тянули телефонный кабель, Буксир тянул баржу*), у глагола появляется уникальное значение. Он обозначает движение самого субъекта без перемещения объекта (*Птицы тянут на юг, Поезд тянет на восток, Окрестные жители тянули к Каргополю*).

Для других глаголов перемещения объекта это невозможно (см., например, отсутствие значения замкнутости действия на субъекте в семантической парадигме глагола *бросить*).

Чтобы объект устранился, глаголы перемещения объекта должны стать возвратными (*броситься наутёк, толкаться на рынке, нестись во всю прыть*).

У глагола *тянуть* также есть возвратный коррелят, но он применяется к цепочкам (*Люди тянулись друг за другом*) или к объектам, как бы образующим протяженность, линию (*Тянется струйка дыма*), в том числе и к неподвижным (*Лес тянется на сто километров*).

Важной идеей в семантике глагола *тянуть* является идея расстояния, дистанции между субъектом и объектом и связанная с ней идея протяженности, вытянутости линии, на которой находятся субъект и объект. Идеи дистанции и протяженности многократно повторяются в разных денотативных вариантах ситуации и в разных значениях глагола.

Компонент «дистанция» есть в обеих ситуациях (как в ситуации «тянуть к себе», так и в ситуации «тянуть за собой»); он является условием приложимости глагола к самым различным ситуациям перемещения. Например, в ситуации *Паровоз тянет вагоны* вариантом дистанции является специальный объект, соединяющий паровоз и состав, а также расположенность всех частей целого вдоль линии. Вторая идея «протяженности, вытянутости» актуализируется в значениях, соответствующих ситуациям расположения объекта по длине или создания объектов, для которых релевантен параметр длины (*Олег тянет руку к выключателю, Тянуть трубопровод*). На основании отмеченного компонента естественным образом образуются адъективы, обозначающие «изготовленный путем вытягивания, волочения» – *тянутая проволока, тянутые ремни, тянутый капрон*. В данном случае образованные прилагательные являются функциональными предикатами, отражающими функцию предмета (см. Н.Д. Арутюнова 1980; Е.В. Рахилина 2000). Сами существительные имеют семантический предикат, родственный глагольной ситуации, выражаемый прилагательным. Например, *тянутая проволока* – это та, которая имеет вытянутую форму, которая появляется в результате совершено такого действия.

Идея расстояния между субъектом и объектом и связанной с ними протяженности линии настолько важна, что семантические дериваты *тянуть* могут относиться к ситуациям, в которых вообще нет физического движения, а есть только движение взгляда наблюдателя вдоль некоторой линии (*Вдоль стены тянулись скамейки, За рекой тянулись поля, Забор тянется до самого пустыря*). Отсюда образуется значение «расположенный излишне длинным

рядом, на большом протяжении» (*растянутый эшелон, растянутый поселок, растянутые колонны демонстрантов*).

На этой же идее основан перенос «пространство – время», поскольку время концептуализируется в языке как линия, а пространственная протяженность как временная длительность (*Тянул с ответом; Тянул на старых запасах целый месяц; Олег специально тянет это дело; Время на собрании тянулось очень долго; Затянутый роман; Затянутый фильм; Затянутая пьеса; Затянутый спектакль; Затянутое собрание, Растянутый доклад; Растянутая пьес;, Растянутая работа*).

Далее рассмотрим значение нефизического воздействия, в котором отражены все основные характеристики исходной ситуации (*Тянет на море, Валерия тянет на работу, Мужиков тянула земля, Его неудержимо тянул этот дом, Офицеров бездействие тянуло к картам*). В этом значении объектом обязательно должен быть человек, который в действительности является субъектом ощущения, экспериенцером, поскольку речь идет о том, что объект ощущает на себе действие некоторой нематериальной, иногда иррациональной силы.

В исходных (физических) значениях глагола принципиальной является идея сопротивления: тот, кого тянут, не хочет идти, сопротивляется, упирается (*Ира тянет меня в гости*). Этот компонент проявляется в переносных значениях глагола. С другой стороны, тянет обычно к чему-то запретному, неодобряемому, с чем по каким-то причинам контакт нежелателен в данный момент или вообще, с чем по каким-то причинам необходимо сохранять дистанцию (*Его тянет к знаниям, Его тянет к спиртному*). В данном случае человек ощущает действие силы, которое осуществляется помимо его воли, если не против его воли, которое его отвлекает, не дает сосредоточиться на чем-то другом.

*Импликация физической ситуации исходного значения глагола **тянуть**.* Импликатура «протяженность, непрерывность движения». С данными идеями связано появление значения «о болезненном ощущении тяжести,

тупой, разлитой боли – при недомогании». Две ситуации, физическую и нефизическую, связывает компонент «непрерывности» и «вытягивания чего-либо» (*Все тело разломило и тянет*). С этим значением связано появление прилагательного, обозначающего характеристику такой боли (*тянущие боли в руках и ногах*).

Перенос значения из сферы физического состояния в сферу психического состояния приводит к появлению производного значения прилагательного «тоскливый, выражающий душевное беспокойство» (*тянущее чувство*).

Интересными в плане актуализации имплицитных компонентов являются значения прилагательных, образованных на базе префиксальных дериватов глагола *тянуть*.

1) Растягивание некоторых объектов приводит к тому, что они, с одной стороны, утрачивают свойства упругости, а с другой стороны, деформируются. Актуализация данного компонента приводит к появлению адъективов со значением «обладающий таким свойством», а именно «слабый, потерявший свойство упругости» (*вытянутая резинка, растянутые карманы, растянутые петли, растянутые подтяжки*); «имеющий продолговатую удлиненную форму» (*у этого предмета вытянутая форма*).

Перенесение данного признака из физической сферы в психическую приводит к появлению в семантической парадигме адъектива значения «выражающий удивление, разочарование, досаду на лице» (*вытянутое лицо, вытянутая физиономия*).

2) В прототипической ситуации, обозначенной префиксальным дериватом *затянуть*, содержится компонент «растягивая по поверхности, покрыть данную поверхность слоем чего-либо, натянуть что-либо на поверхность, закрыв, обтянув ее». На основе этого компонента образуются переносные значения: а) «покрытый тонким слоем кожи, слегка заживший»

(затянутая рана); б) «покрытый слоем облаков» (затянутое небо). Различие касается характера объекта и средства.

3) В семантической парадигме глагола *подтянуть* на основе значения «втянуть, вобрать внутрь живот, губы, подобрать» (*Йог подтянул живот и задержал дыхание*). На основе сходства по форме двух объектов образуется переносное значение адъектива «втянутый, ввалившийся – о животе, боках» (*собаки ходят с подтянутыми животами, втянутый живот, втянутые щеки, втянутые бока*).

В импликационале значения «затянуть, натянуть несколько туже» (офицер оправил гимнастерку и подтянул ремень), на наш взгляд, содержится импликатура «убрать все лишнее», на основе которой появляется переносное значение «аккуратный» (*подтянутый вид*). При перенесении данного значения из физической сферы в психическую образуется переносное значение «сдержанный, внутренне дисциплинированный», что находит также проявление и во внешнем облике человека (*подтянутый юноша; командир был подтянут, сосредоточен в себе*).

4) Импликатура «направление перемещения». В приставочном глаголе *стянуть* компонент направления перемещения обладает следующей характеристикой: «связывать, делая более узким, тесным, менее растянутым, в результате чего объект может собраться в складки, сморщиться». На основе актуализации данной импликации появляется переносное значение «сморщившаяся, собравшаяся в складки кожа» (*Стянутая кожа болела*).

Таким образом, компоненты исходных физических значений сохраняются в производных, как в физических, так и нефизических (переносных) значениях. В производных адъективах могут сохраняться компоненты исходных физических ситуаций, на основании которых образуются предикаты с функциональным значением. При переносе значения в нефизическую сферу образуются предикаты с нефункциональным типом значения, обозначающие то или иное свойство объекта как результат

совершенного действия или как результат сходства физических и нефизических ситуаций по имплицативным признакам.

2.3 Описание когнитивного механизма процесса адъективации причастий глагола *разбить*

Глагол *разбить* является глаголом деформации [Кустова, 1996]. В новом толково-словообразовательном словаре Ефремовой даются следующие толкования глагола *разбить*:

1. Нарушать целость чего-л. ударом или ударами; раскалывать, раздроблять.
2. Повреждать, приводить в негодность (толчками, ударами и т.п.).
3. разг. Изнашивать (обувь).
4. Повреждать, ранить какую-либо часть тела (в драке, при падении и т.п.).
5. безл. разг. Поражать, делать неподвижной какую-либо часть тела (о параличе).
6. перен. Разрушать, губить, уничтожать что-либо.
7. Наносить поражение, побеждать в сражении, в борьбе.
8. перен. Приводить в замешательство, одерживать верх над кем-либо в споре.
9. Мешать приводить в исполнение какое-л либо решение, лишать уверенности в чем-либо; расстраивать, разрушать.
10. Класть порознь; разрознивать.
11. Отделять промежутками, увеличивать расстояние между буквами, строками и т.п. (в типографском деле).
12. Разделять, распределять на части.
13. Размечать участок земли, предназначая его для кого-л., чего-л., подо что-л.

14. Устраивать на отведенном участке земли сад, цветник, плантацию и т.п.

15. Располагать, устраивать, раскидывать (лагерь, стан, табор и т.п.).

16. разг.-сниж. Нарушать (строй, ряды, движение и т.п.).

17. разг.-сниж. Громить с целью грабежа; грабить.

18. разг.-сниж. Разменивать (деньги).

Параметры прототипической ситуации. Глагол *разбить* в его исходном значении является глаголом деформации и соответствующая ему прототипическая ситуация предполагает изменение состояния объекта. Итак, исходная прототипическая ситуация для глагола *разбить* характеризуется следующими признаками:

6) субъект воздействует целенаправленно либо случайно на объект;

7) при этом изменяется исходное состояние объекта;

Рассмотрим систему значений глагола *разбивать*. Мы предлагаем разделить два типа значений: физические (воздействие на реальный объект *разбить комки земли, разбить колени*) и нефизические (*разбить надежды*).

Для начала рассмотрим систему физических значений.

- запланированный результат целенаправленной деятельности субъекта (*Разбить тарелку кулаком*).

- случайный, нежелательный результат (*во время игры он мог разбить колени*)

Абстрактная схема агентивных значений глагола *разбивать* следующая:

- Исходное состояние - было исходное состояние объекта: целостность, наличие целого, неповрежденного.

- Воздействие – субъект подействовал на объект каким-либо резким силовым воздействием, ударом или ударами.

Основные импликации (результаты) :

- Существуют части объекта (осколки).

- Нарушена целостность объекта.

Эти две основные импликации, которые наиболее близко находятся к денотативному уровню. Каждая из этих импликаций, в свою очередь, порождает другие, образуя с ними импликативные цепочки.

Нарушение целостности субъекта дает следующие импликации:

- Поврежденность, ущерб (разбивать коленки, разбивать нос);

- Из поврежденности объекта вытекает невозможность его последующего использования, приведение в негодность (разбивать аппаратуру, разбивать обувь);

Появление некоторых частей целого дает следующие импликации:

- Разделение объекта, путем воздействия на него, на некоторые более мелкие неупорядоченные части (разбить тарелку, разбить комки глины).

В основе нефизических значений глагола *разбить* прослеживаются те же импликации – повреждения, невозможности использования/приведение в негодность и разделения на части:

- Повреждение – Разбить противника в споре и т.п.

- Невозможности использования/приведение в негодность - разбил паралич, разбил планы, мечты и т.п.

- Разделение на части – Разбил тысячу на мелкие купюры, разбил на равные части и т.п.

Также в нефизических значениях появляется новая импликация, незаявленная ранее в физических значениях – расположение чего-то, на определенном участке - *разбил сад у себя на даче, генерал разбил лагерь здесь.*

Таким образом, глаголу деформации *разбить* свойственны следующие значения и импликатуры: повреждение чего-либо, приведение в негодность чего-либо, разделение на части чего-либо и расположение где-либо.

Теперь посмотрим, какие значения у прилагательного *разбитый*:

-Измученный болью, болезнью (*После инсульта меня разбил паралич*).

-Лишенный сил, энергии, приведенный в состояние изнеможения (*В такую погоду у меня часто бывало разбитое подавленное состояние*).

-Имеющий испорченные быстрой или неумеренной ездой ноги (о лошадях) (*Копыта моей лошади были совершенно разбиты*).

- перен. Надтреснутый, дребезжащий (о звуках) (*Голоса у него нет почти никакого: глухие, разбитые звуки...*).

- Расстроенный (о музыкальном инструменте) (*Разбитое пианино не могло передать всю красоту сонаты*).

Мы видим, что всех прилагательном содержится переносное значение первых двух импликатур: повреждение чего-либо, приведение в негодность чего-либо. Причастия со значениями *разделенный на части и расположенный где-либо* не адъективируются.

Таким образом, компоненты не всех исходных физических значений сохраняются в производных, как в физических, так и нефизических (переносных) значениях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрев процесс адъективации причастий в структурно-семантическом аспекте, мы пришли к выводу, что страдательные причастия прошедшего времени гораздо больше подвергаются адъективации, чем действительные причастия.

В свою очередь, адъективации страдательных причастий прошедшего времени способствует отсутствие реального производителя действия, несовершенный вид, наличие грамматикализованных приставок, образование причастия от основ двувидовых глаголов и переносное значение глагольной основы.

Практически не адъективируются причастия с конкретно-действенным характером основы, причастия, которые образованы от вторичных несовершенных глаголов, а также причастия, образованные от префиксальных глаголов совершенного вида с конкретным лексическим значением приставки.

Невозможна адъективация в группе страдательных причастий прошедшего времени с конкретно-действенным значением глагольных основ, которые осложняются добавочными лексическими значениями, вносимыми неграмматикализованными приставками.

Также нами были изучены такие понятия, как семантическая деривация, которую мы определили как вид вторичной номинации. К явлению семантической деривации относятся разные виды переносов, изменение семантического объема слова и семантические кальки. Рассмотрели явление семантического изменения исходной единицы или так называемое «языковое расширение» - процесс возникновения новых значений, понятие «семантического потенциала слова» и понятие «когнитивной модели» значения слова.

Ключевым в исследовании является понятие «прототипическая ситуация», которую мы, вслед за Г.И. Кустовой, понимаем как когнитивная

модель ситуации, с которой связано базовое значение языковой единицы. Она включает как ассертивный, так и имплицативный компоненты значения и является образом-конструктом, который позволяет объяснить появление производных значений.

В своей работе мы выделили два основных типа переноса – аналогию и связь, а, также комбинированные случаи переносов - специализацию и генерализацию.

Вслед за Г.И. Кустовой, мы выделили три типа стратегий семантической деривации – аргументную, компонентную и имплицативную стратегии.

Привлечение понятийного аппарата когнитивной семантики позволило нам описать семантический механизм процесса адъективации страдательных причастий прошедшего времени. Мы пришли к выводу, что производное значение не является абсолютно непредсказуемым, так как оно включает в себя известные компоненты исходного значения или семантические корреляты признаков и свойств прототипической ситуации, так называемые имплицатуры, которые известны говорящему.

При изучении семантических стратегий и семантических парадигм, мы выяснили, что, поскольку, у людей нет «других» слов, то он извлекает максимум значений из тех слов, которыми располагает. С другой стороны, производные значения, при всем их многообразии, являются реализацией концептуальных схем и импликаций, которые заложены в исходном значении и исходной ситуации, поэтому из слова можно выделить только то, что есть в исходной ситуации и ее денотативном окружении, и использовать это в соответствии с общими когнитивными принципами и механизмами языкового освоения реальности.

Актантная стратегия действует в пределах одной ситуации на базе полного денотативного тождества, ее цель – изменение акцента, точки зрения на ситуации. Производное значение является реализацией импликации исходного значения, а суть данного преобразования – акцентировать разных

участников одной и той же ситуации – разумеется, вместе с их компонентами, которые в исходном значении имели статус импликации.

Компонентная стратегия действует на базе частичного денотативного сходства. Формально она тоже выглядит как перенос на исходно не главный, имплицативный компонент, который в производном значении является главным. Ее цель – в том, чтобы использовать предикат исходной ситуации на том основании, что у этих ситуаций есть тождественный фрагмент.

Внешняя метонимия распространяет знак ситуации на другую, смежную ситуацию, которая имеет не только сходства с первой, но и часто имеет другую природу. Однако эти ситуации связаны не случайно – одна из них имплицитует другую.

Таким образом, неметафорические значения основаны на тождестве ситуации, на совпадении фрагментов ситуации и на смежности ситуаций.

Метафорическая аналогия основана не на использовании компонентов, а на использовании концептуальных схем, извлекаемых из исходного значения и прототипической ситуации. При этом тоже активно работает имплицативный механизм.

Метафора, являясь более творческим процессом, чем метонимия, также очень важна для когнитивного подхода к описанию производных значений, так как она демонстрирует логику когнитивного освоения реальности.

Метонимический принцип, то есть принцип связи, смежности, - это не только принцип переноса, но и принцип внутреннего устройства самих значений. В одних случаях происходит перенос знака с одной ситуации на другую, потому что эти ситуации связаны, а в других случаях две ситуации оказываются связанными уже в пределах одного значения.

Обобщая все сказанное, отметим, что описание семантических преобразований языковых единиц с опорой на когнитивное моделирование обозначаемых ими внеязыковых ситуаций позволяет ответить на поставленные в начале нашей работы вопросы: что можно извлечь из исходного значения и связанной с ним ситуации и на что можно

«распространить» языковой знак. На основе этого могут быть решены более частные проблемы, связанные с семантическими преобразованиями слова, в нашем случае, - это проблема адъективации причастных форм.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрев процесс адъективации причастий в структурно-семантическом аспекте, мы пришли к выводу, что страдательные причастия прошедшего времени гораздо больше подвергаются адъективации, чем действительные причастия.

В свою очередь, адъективации страдательных причастий прошедшего времени способствует отсутствие реального производителя действия, несовершенный вид, наличие грамматикализованных приставок, образование причастия от основ двувидовых глаголов и переносное значение глагольной основы.

Практически не адъективируются причастия с конкретно-действенным характером основы, причастия, которые образованы от вторичных несовершенных глаголов, а также причастия, образованные от префиксальных глаголов совершенного вида с конкретным лексическим значением приставки.

Невозможна адъективация в группе страдательных причастий прошедшего времени с конкретно-действенным значением глагольных основ, которые осложняются добавочными лексическими значениями, вносимыми неграмматикализованными приставками.

Также нами были изучены такие понятия, как семантическая деривация, которую мы определили как вид вторичной номинации. К явлению семантической деривации относятся разные виды переносов, изменение семантического объема слова и семантические кальки. Рассмотрели явление семантического изменения исходной единицы или так называемое «языковое расширение» - процесс возникновения новых значений, понятие «семантического потенциала слова» и понятие «когнитивной модели» значения слова.

Ключевым в исследовании является понятие «прототипическая ситуация», которую мы, вслед за Г.И. Кустовой, понимаем как когнитивная

модель ситуации, с которой связано базовое значение языковой единицы. Она включает как ассертивный, так и имплицативный компоненты значения и является образом-конструктом, который позволяет объяснить появление производных значений.

В своей работе мы выделили два основных типа переноса – аналогию и связь, а, также комбинированные случаи переносов - специализацию и генерализацию.

Вслед за Г.И. Кустовой, мы выделили три типа стратегий семантической деривации – аргументную, компонентную и имплицативную стратегии.

Привлечение понятийного аппарата когнитивной семантики позволило нам описать семантический механизм процесса адъективации страдательных причастий прошедшего времени. Мы пришли к выводу, что производное значение не является абсолютно непредсказуемым, так как оно включает в себя известные компоненты исходного значения или семантические корреляты признаков и свойств прототипической ситуации, так называемые имплицатуры, которые известны говорящему.

При изучении семантических стратегий и семантических парадигм, мы выяснили, человек извлекает максимум значений из тех слов, которыми располагает. С другой стороны, производные значения, при всем их многообразии, являются реализацией концептуальных схем и импликаций, которые заложены в исходном значении и исходной ситуации, поэтому из слова можно выделить только то, что есть в исходной ситуации и ее денотативном окружении, и использовать это в соответствии с общими когнитивными принципами и механизмами языкового освоения реальности.

Актантная стратегия действует в пределах одной ситуации на базе полного денотативного тождества, ее цель – изменение акцента, точки зрения на ситуации. Производное значение является реализацией импликации исходного значения, а суть данного преобразования – акцентировать разных участников одной и той же ситуации – разумеется, вместе с их компонентами, которые в исходном значении имели статус импликации.

Компонентная стратегия действует на базе частичного денотативного сходства. Формально она тоже выглядит как перенос на исходно не главный, имплицативный компонент, который в производном значении является главным. Ее цель – в том, чтобы использовать предикат исходной ситуации на том основании, что у этих ситуаций есть тождественный фрагмент.

Внешняя метонимия распространяет знак ситуации на другую, смежную ситуацию, которая имеет не только сходства с первой, но и часто имеет другую природу. Однако эти ситуации связаны не случайно – одна из них имплицитует другую.

Таким образом, неметафорические значения основаны на тождестве ситуации, на совпадении фрагментов ситуации и на смежности ситуаций.

Метафорическая аналогия основана не на использовании компонентов, а на использовании концептуальных схем, извлекаемых из исходного значения и прототипической ситуации. При этом тоже активно работает имплицативный механизм.

Обобщая все сказанное, отметим, что описание семантических преобразований языковых единиц с опорой на когнитивное моделирование обозначаемых ими внеязыковых ситуаций позволяет ответить на поставленные в начале нашей работы вопросы: что можно извлечь из исходного значения и связанной с ним ситуации и на что можно «распространить» языковой знак. На основе этого могут быть решены более частные проблемы, связанные с семантическими преобразованиями слова, в нашем случае, - это проблема адъективации причастных форм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аванесов Р.И, Сидоров В.Н. Очерк грамматики русского литературного языка: учеб. пособие / Р.И. Аванесов, В.Н. Сидоров. – М.: Учпедгиз, 1945. – 234 с.
2. Бедняков А.С. Переход причастий в прилагательные. Русский язык в школе. – 1947 – №2. – С. 16-23.
3. Богуславский И.М. Исследования по синтаксической семантике.: – М.: Наука, 1985. –175 с.
4. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М.: Л., Учпедгиз, 1947. – 784 с.
5. Виноградов В.В. Грамматика русского языка: академическая грамматика русского языка / В.В. Виноградов, Е.С. Истрин, С.Г. Бархударов – Т. 1. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 540 с.
6. Данков В.Н. Историческая грамматика русского языка. Выражение залоговых отношений у глагола: Учеб .пособие для филологических специальностей / В.Н. Данков. – М.: Высшая школа, 1981. – 112 с.
7. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. – 1960. – №1. – С. 264-389.
8. Зализняк А.А. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. Munchen, 1992. (Slavistische Beitrage.298)
9. Зализняк А.А. О понятии имплицативного типа (для глаголов с пропозициональным актантом) // Логический анализ языка: знание и мнение. – 1988. – №1 – С. 107-121.
10. Калакуцкая Л.П. Адъективация причастий в современном русском литературном языке: Монография / Л.П. Калакуцкая. — М.: Наука, 1971. – 227 с.

11. Карттунен Л. Логика английских конструкций с синтаксическим дополнением // Новое в зарубежной лингвистике. – 1985. - №16. – С. 303-332.
12. Карцевский С.И. Вопросы глагольного вида. – М., 1962. – 457 с.
13. Карцевский С.И. Из лингвистического наследия. Т 2. – М.: Языки славянской культуры, 2004. — 296 с.
14. Кифер Ф. О пресуппозициях // Новое в зарубежной лингвистике. – 1978. – №8 – с. 337-369.
15. Краснов И.А. Переход причастий в прилагательные в современном русском литературном языке: автореф. кандид.фил. наук. М., — 1955.
16. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения: учеб. пособие / Г.И. Кустова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 472 с.
17. Ломтева В.Е. Переход причастий в прилагательные в современном русском литературном языке: автореф. кандид.фил. наук. Саратов. – 1954.
18. Лопатин В.В. Адъективация причастий в ее отношении к словообразованию // ВЯ. – 1966. – №5. – С. 37-47.
19. Лопатин В.В. Способы именного словообразования в современном русском языке. дисс. канд. фил. наук. М. – 1966.
20. Лукин М.Ф. Критерии перехода частей речи в современном русском языке. // ФН. – 1986. –№3. – С. 47-63.
21. Окунева А.П. Русский глагол: Словарь-справочник. – М.: Русский язык, 2000. – 558 с.
22. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений): Монография / Е.В. Падучева. – М.: Наука, 1985. – 272 с.

23. Падучева Е.В. Коммуникативное выделение на уровне синтаксиса и семантики // Семиотика и информатика. – 1998. – №36. – С. 82-107.
24. Падучева Е.В. Метонимические и метафорические переносы в парадигме значений глагола назначить // Типология и теория языка: От описания к объяснению: К 60-летию А.Е Кибрика. – 1999. – №1. – С. 488-502.
25. Падучева Е.В. Парадигма регулярной многозначности глаголов звука // Вопр. Языкознания. – 1998. – №5. – С. 3-23.
26. Падучева Е.В. Понятие презумпции в лингвистической семантике // Семиотика и информатика. – 1977. – № 8. – С. 54-68.
27. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. Монография / А.М. Пешковский – М.: Учпедгиз, 1935. – 376 с.
28. Полуничева Н.Ю. Адъективация действительных причастий настоящего времени // Филология и человек – 2011– № 3. – С. 174– 182.
29. Прокопович Н.Н. Категория вида в страдательных причастиях. Учёные записки МГПИ им Ленина / Н.Н. Прокопович. – М., 1947. – Т. 42. – № 1. – С. 115-130.
30. Разлогова Е.В. Эксплицитные и имплицитные пропозициональные установки в причинно-следственных и условных конструкциях // Логический анализ языка. Знание и мнение. – 1988. – №1. – С. 98-107.
31. Рахилина Е.В. Лексическое значение и коммуникативная структура (к постановке проблемы) // Научно-техническая информация. – 2001. – №6. – С.27-30.
32. Рахилина Е.В. Прилагательные сквозь призму существительных и vice versa // Научно-техническая информация. – 1991. – №9. – С.26-28.

33. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Труды по языкознанию / Ф.де Соссюр. – М., 1977. – С. 31-269.

34. Удалова Л.И. Адъективация причастий в современном русском литературном языке (на материале действительных причастий). Уч. зап. Курского пед. ин-та. Гуманитарный цикл /Л.И. Удалова. –вып. VI. – 1957.

35. Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь. //Новое в зарубежной лингвистике. –1983. – №10. – С. 496-530.

36. Янко-Триницкая Н.А. Особенности префиксации глаголов движения. Уч. зап. Московского гор. пед. ин-та им. В.П. Потемкина / Н.А. Триницкая. – т. XXII. – 1952. – 356 с.